

庚德四年四月一日第三種郵便物認可(週刊)

РАУБЕН

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ.

№ 25 (830)

30 августа 11 года Кан-Да
(1944 года.)

Цена —	80 ф.
В Китае —	85 ф.

М. ЩЕРБАКОВ.

ПАМЯТИ ЧЕХОВА.

К середине лета на склонах подмосковных холмов, там, где посуше и где посильнее припекает солнце, распускаются мелкие, скромные бело-розовые цветки. Народ очень метко окрестил их маленькими пушистыми шариками «заячьими лапками», а в нашем доме их звали еще «бессмертиками», так как сплетенные из них венки высыхают не осыпаясь и не теряя цвета, и такими остаются на долгие месяцы. Я вспомнил о «заячьих лапках» потому, что они с детства связаны для меня с образом Антона Павловича Чехова.

Лето 1904 года было тревожно. Старшие говорили о неудачах войны и о крестьянских волнениях. В деревнях, по соседству с нашим именем, появились какие-то «сознательные» парни в кепках. На ночь мама стала прятать под подушку свой маленький браунинг.

Зайдя как-то в комнату старшей сестры-курсистки, я увидел на стене вырезанный из журнала портрет незнакомого господина в пенсне и с бородкой, вставленный в венок из «заячьих лапок».

— Кто это? — спросил я сестру.

— Наш великий писатель Чехов... Он умер. Его только что похоронили в Москве.

— Это тот самый, который так смеяно написал про умного дворника? — вспомнил я врезавшийся в детскую память рассказ, слышанный на школьном вечере.

— Да, да... Только он писал и много грустного, серьезного... Подрастешь — узнаешь...

Брат-студент, приехавший на следующее воскресенье из Москвы, взволнованно рассказал о том, как он был на похоронах Чехова, как медленно двигалась многотысячная толпа за гробом писателя, загрохотав улицы и остановив все движение, как у Художественного театра служили литию, как долго возлагали на свежую могилу чуть-ли не сотню венков, когда процессия достигла, наконец, кладбища Новодевичьего монастыря.

— Перед кончиной Антон Павлович просил не произносить речей на похоронах. Его волю исполняли. Как это на него похоже! — закончил брат свой рассказ. Его голос дрожал, на глазах у него были слезы.

И сколько таких взволнованных искренним горем сердец, и молодых и старых, было по всей России при вести о безвременной смерти Антона Павловича на каком-то германском курорте! Потому что, если Льва Николаевича Толстого уважали и побаивались, как строгого наставника, то Чехова вся интеллигентная Россия просто любила, как своего, как близкого и родного человека. В его многочисленных творениях каждый, от ребенка до старика, мог черпать по своему разумению.

Здесь не место погружаться в детальный разбор Чеховского творчества. Мне хочется остановиться лишь на одном вопросе: почему произведения Чехова являются таким громадным, таким

исключительным успехом не только в России, но и во всем мире, почему переводами его маленьких вещей, по большей части не превышающих объемом нескольких книжных страниц, зачитываются не только в Европе, но даже и на Востоке, а его пьесы с успехом проходят на сценах японских театров?

В оценках Чеховского творчества мы привыкли слышать, что он — «певец русского безвременья и реакция 90-х годов, сменивших бурный общественный подъем 60-х годов», что он — «поэт русской провинциальной скуки и русских лирических людей из безвольной интеллигенции», и т. д., то-есть, в общем, отобразитель чисто-русских социально-бытовых

черт и явлений.

Но если-б этим исчерпывался весь Чехов, то он не смог-бы перешагнуть через грань чисто национального признания и значительности, и стать в полном смысле художником обще-человеческого, мирового масштаба.

Истинное величие Чехова лежит не в этих, а в других основных свойствах его творчества: прежде всего — в той удивительной человечности, которой пропитаны насквозь все его творения, и затем — в его постоянном высмеивании и непрерывной борьбе с человеческой пошлостью во всех бесконечных проявлениях, которые, как мы убедились на нашем эмигрантском опыте, одинаковы под всеми широтами. И эти черты своего писательского гения, давшие ему мировое признание, Чехов сумел пронести до самой смерти, несмотря на ярые обвинения в «безыдейности», сыпавшиеся на него со стороны партийной критики.

Чехов всегда стоял по мне, а над политикой. Его душе была чужда примитивная кустарность Некрасовской формулы:

«Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан!».

А. П. был, разумеется, и поэтом, и гражданином, но в более широком и высшем смысле этого слова, чем то предусматривается партийными требованиями.

В одном из писем к поэту Плещееву он пишет в 1891 г., т. е. уже получив признание, в виде половины Пушкинской премии, присужденной ему Академией:

«Я не либерал, не консерватор, не постепенонец, не монах, не индифферентист. Я хотел-бы быть свободным художником — только... Я ненавижу ложь и насилие во всех его видах... Мой свитая свитых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, — свобода от силы и лжи, в чем-бы последние две ни выразились».

И поэтому Чехов не придавал значения тому, одет-ли его герой в чинов-

ничий мундир, мужицкий армяк или синюю студенческую тужурку. Он был объективен. Ему важно было, что это — человек, а черты человечности, со свойственной ему зоркостью, он умел рассмотреть даже в сахалинских каторжниках-убийцах.

Как только кончился беззаботный смех молодого Антоши Чехонте, — несомненно, под которым Антон Павлович начал печататься в юмористических журнальчиках, — он прочно осознал свой

творческий путь. Первая-же его серьезная повесть «Степь», появившаяся в 1888 г., — это подлинно-художественное произведение, где ясно выступают характерные черты его громадного таланта. Но чрезвычайно скромный и требовательный к себе Антон Павлович остался недоволен ею. В своих письмах, представляющих часто не меньший интерес, чем его рассказы, он жалуется, что в «Степи» ему не удалось внутренне связать эти картины в общее неразрывное целое.

И тут мы сталкиваемся еще с одним характерным свойством Чеховского дарования, а именно — его тяготением к жанру новеллы, короткого рассказа, которому, по совету Толстого, он учился у Мопассана, и в котором достиг непревзойденного во всей русской литературе мастерства.

Чехов не романист. Ему не свойственны, как Достоевскому или Толстому, широкие полотна. Свой единственный законченный роман «Драма на охоте», печатавшийся частями в одной из газет, Антон Павлович считал неудачным и даже не захотел переиздавать при жизни. О первых главах второго начатого романа имеются лишь смутные сведения и до сих пор эти главы остаются где-то под сводом.

Но художественная ценность произведения искусства не зависит от его объема или величины. Одно четверостишие Омара Хайяма или один китайский «крюб» Ван-Вей стоит поэмы в 10.000 строк, а миниатюру Фрагонара нельзя считать ниже колоссального «Давида» Микель Анджело. Все зависит от индивидуальных особенностей мастера и от его искусства в малом дать отображение всякого. И в этом именно Чехов достиг такого совершенства, что иностранная критика ставит его те-

перь вместе с корифеями европейской литературы на господствующую высоту в жанре короткого рассказа.

У Чехова вы нигде не найдете того безудержного, захлебывающегося потока слов, который характерен для стиля Достоевского. Одной черточкой, подмеченной с гениальной наблюдательностью и мягким юмором, он рисует не только внешний, но и внутренний облик человека, одной правильно схваченной интонацией речи он, так сказать, «выворачивает наизнанку» всю душу своих героев, в них встают перед вами совершенно живыми, осязаемыми и понятными. Вы их прекрасно знаете, вы их встречали сотни раз. Равную скудость на слова, одинаковую концентрацию и экономию в образительных средствах мы встречаем среди русских писателей лишь у Пушкина.

Настояще-же скуп на слова и также силен и вышук Чехов и в изображении русской природы. Он умеет видеть самое типичное, самое главное и при том именно то, чего до него еще никто не сумел заметить.

В своих произведениях он очень боится всего загромождающего, всего не абсолютно необходимого. Он удивительно прост и в каждой вещи, прежде всего, стремится к конструктивности. Широко

известно его требование, что, если автор в первом действии пьесы показал нам ружье, то в последнем оно должно выстрелить. Станиславский вспоминает, что после великолепной постановки «Вишневого сада» в Художественном театре, Антон Павлович недовольный обилием внешних звуковых эффектов, введенных режиссером, иронически говорил тому-то, но с таким расчетом, чтобы слышал и Станиславский:

— Я напишу пьесу, и она будет начинаться так: «Как чудесно, как тихо! Не слышно ни птиц, ни собак, ни кукушек, ни совы, ни соловья, ни часов, ни колокольчиков и ни одного сперка!»

Вместо с тем, Чехов не любил ни ярких красок, ни кричащих слов. Все его серьезные вещи написаны полутонами, все они «матовые», как можно сказать один из критиков. Даже в борьбе со своим вечным врагом — людской пошлостью, Чехову не свойственны обычные приемы обличительной литературы — нафос и докитат сатира. Но несмотря на это, многие из его коротких рассказов, если только в них вдуматься, разгортываются в целые трагедии.

Вот, например, очень характерный в этом отношении рассказ «Злоумышленник». Неграмотного захудалого мужиченка

Дениса судят за то, что он отвинчивал гайки на рельсовом пути. По закону это денинне карается каторжными работами, так как может вызвать крушение поезда. Денис не только не отрицает факта, но простохушно спрашивает на суде, о какой гайке идет речь, — о той, которая «под красным сундучком лежала», или о той, которая «на дворе, в саниах»? Он совершенно не в состоянии понять, что именно ставится ему в вину: ведь, гайки пузаны ему, как грузила для удочек!

На возмущенный вопрос судебного следователя:

— А от чего же, по твоему, происходят крушения поездов? — Денис, по словам Чехова, усмехается и недоверчиво шурит на следователя глазами.

— Ну, уж сколько лет всей деревней гайки отвинчивали и хранили Господь, а тут крушение... людей убивал...

Сухой чиновник не допускает даже возможности того, что Денис говорит естественную правду, что у него и мысли не было о преступлении, что из-за своей недоразвитости и темноты он совершенно не в силах осознать вреда своего поступка. В результате, несмотря на недоуменные протесты, его отправляют в тюрьму. Позное взаимное непонимание между

следователем и несчастным «задуманным» передано Чеховым так ярко, что рассказ нельзя читать без улыбки, а какая скрыта в нем глубокая человеческая трагедия! Скольким авторам понадобились пухлые романы, чтобы развить ту же тему о конфликте между слепой Фемидой и самой простой человечностью...

Удивительны вещи Чехова, посвященные детям и детской психологии. Во всей литературе мало таких проникновенно-гуманных и глубоко-трогательных изображений тоски одинокого ребенка, как рассказ о маленьком заброшенном в город Ваньке, который направляет по почте свою отчаянную мольбу о спасении «на деревню, дедушке». Этот короткий рассказ стоит «Оливера Твиста» Диккенса и «Принца и нищего» Марка Твена.

Не менее трогательны у Чехова образы русских девушек. Внушки тургеневских героинь, они умеют любить так же глубоко, красиво и самоотверженно, как их бабушки. Но у Чехова они чаще настолько робки, стыдливы и хрупки, что их избранники или проходят мимо большого чувства, как это происходит с Соней в «Дяде Ване», или, как у Пины в «Чайке», втаптывают его в грязь.

Но разве возможно хотя-бы вскользь коснуться в кратком слове всех тех

огромных, общечеловеческих проблем, которые ставит Чехов в своих вещах. Он — убежденный идеалист и несмотря на все неприятные черты человека, так остро им подмеченные, он все-же горячо верит в него, верит в прогресс и в то, что когда-нибудь — «через сто, двести лет», — красота восторжествует над силой и несправедливостью.

Может быть, в наши дни эта любимая мысль Чехова покажется наивной, может быть, совершающиеся на наших глазах события окончательно вырубят «Винные сады» прежней культуры и человечество будет обречено возвратиться к пещеры, но, ведь, ни каждый отдельный человек, ни весь мир в целом не в силах были-бы жить без веры в лучшее будущее, в то, что наступит-то когда-нибудь счастливая и красивая жизнь!

И мне кажется, что каждый художник или ученый, который нашел в себе силу своим творчеством поддержать эту драгоценную, эту необходимую веру, и сказать о ней так хорошо, так проникновенно, что его услышали во всем мире, — поистине заслуживает имени «друга человечества» и пенки бессмертия.

Таким художником и был Антон Павлович Чехов. МИХАИЛ ЩЕРБАКОВ.